

«Петербургский дневник» представляет

Анатолий Белинский

Каждая строка этой книги
свидетельствует о непреложной
истине: в Великой Отечественной
войне наша страна победила
потому, что на ее защиту
встал весь народ.

Дорогами ВОИНЫ

1941–1945

Наше дело правое!
МЫ ПОБЕДИЛИ!

Писатели на войне, писатели о войне

Анатолий Иванович Белинский **Дорогами войны. 1941-1945**

**Серия «Писатели на
войне, писатели о войне»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18481801

*Дорогами войны. Сборник воспоминаний: Информационно-издательский
центр Правительства Санкт-Петербурга ОАО «Петроцентр»; Санкт-
Петербург; 2015
ISBN 978-5-91498-080-8*

Аннотация

Сборник «Дорогами войны» – это сборник воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны. В числе авторов сборника – моряк, тонувший в водах Балтики во время эвакуации советских войск с полуострова Ханко, а затем воевавший на Ладоге, где был тяжело ранен; артиллерист, дважды раненный под Мясным Бором; донской казак, которому досталась нелегкая доля отступать в донских степях летом 1942 года; и, наконец, командир пулеметного взвода зенитчиков, которому довелось в мае 1945 года побывать у стен рейхстага в Берлине. Со страниц этой книги говорит невыдуманная, неприкрашенная правда, повествующая, какое это страшное, тяжелое дело – ратное противоборство. И одновременно каждая строка книги утверждает великую истину:

мы победили в Великой Отечественной войне потому, что на защиту Родины стал весь народ на фронте и в тылу.

Содержание

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	5
Александр ШЕВЧУК	8
Конец ознакомительного фрагмента.	44

А.И. Белинский

Дорогами войны.

Сборник воспоминаний

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

О Великой Отечественной войне написаны тысячи книг: научные исследования, художественные произведения, публицистические материалы, мемуары военачальников, воспоминания рядовых участников этих трагических и героических событий.

Предлагаемая читателю книга воспоминаний находится в ряду тех изданий, в которых «бойцы вспоминают минувшие дни»... И в то же время этот сборник отмечен некоторым своеобразием, о чем нелишне будет сказать. Перед нами сборник воспоминаний, рассказанных ветеранами – рядовыми участниками тех героических событий. В их числе моряк, тонувший в водах Балтики во время эвакуации советских войск с полуострова Ханко; артиллерист, принимавший участие в боях за освобождение города Тихвина, дважды раненный в боях под Мясным Бором; летчик авиации дальнего действия, который вместе со своим экипажем воевал в небе над Ленинградом, Белоруссией, Финляндией, над

Берлином; командир пулеметного взвода зенитчиков, побывавший в мае 1945 года у стен поверженного рейхстага. В этих воспоминаниях встает во весь рост простой русский человек, который в тяжелейших условиях отступления в донских степях в 1942 году сказал:

– *Ишь, сволочь, чего захотел: «Ивэн...сдавайс»! Нет, брат фриц, пока воздержимся!*

Рассказы авторов этого сборника отличает та высокая степень правды, которая равна лучшим произведениям художественной литературы о войне, таким как «Василий Теркин» или «В окопах Сталинграда». Это та правда, о которой герой А.Т. Твардовского сказал:

А всего иного пуще
Не прожить наверняка -
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька...

Со страниц этой книги говорит такая правда: невыдуманная, неприкрашенная, повествующая, какое это страшное, тяжелое, требующее сверхчеловеческих сил дело – ратное противоборство. И одновременно каждая строка этой книги утверждает, высвечивает, поднимает непреложную истину: в Великой Отечественной войне наша страна победила потому, что на защиту ее стал весь народ, от мала до велика,

на фронте и в тылу.

Эта книга – еще один правдивый документ той эпохи, которая навсегда останется в памяти нашего народа.

Александр ШЕВЧУК

А БЫЛО ТАК...

Герой этой повести пронес свою отзывчивую на боль душу через тоску и голод переселенцев, через горечь потерянных надежд и милую робость любви к своей оплаченной и подтвержденной собственной кровью ответственности за жизнь своей души, своей земли и всего беспредельного мира жизни.

Я знаю Александра Шевчука по обороне Гангута, по солдатскому братству, не знавшему, что такое отступление. И я воспринимаю эту повесть как долг исполненной справедливости.

Михаил ДУДИН

1991 год

В ночь на восьмое ноября сорокового, после парада (хватит праздновать!) подняли нас по тревоге. Разбираем оружие, трем глаза... Перед строем – контр-адмирал Трайнин и его начштаба Клевенский.

– Товарищи краснофлотцы! Кто до призыва работал на судах морского или речного флота – выйти из строя! Остальным – разойдись!

До утра вызывал по одному адмирал за перегородку нас и... страшал, страшал морем: «Там, знаете, как укачивает?»

До смерти! Это вам не вдоль лозовых кустиков рейсы совершать...» Только двое «устрашились», не пришли с согласием после завтрака к командиру базы.

«Купцы» приходят и уводят хлопцев – кого куда. Треть учебного батальона ушла на береговые батареи, что южнее Либавы стоят (мы их строили по ночам). Потом пришел черед и нам, «крестникам» Трайнина, кто не убоился тяжелой корабельной жизни.

– Здравствуйте! Я – мичман Бумберс. Я пришел вас пригласить служить... Как это? Совместно с латышскими моряками.

Высокий, крупнолицый, не нашего покроя шинель, пуговицы от плеча к поясу – клином. Мичман вел нас по той же прибрежной дороге, по которой совсем недавно топали мы в полуэкипаж. Латыш напускал на свое лицо окаменелость, но смешинки так и сыпались из его голубых глаз. «Нет, братцы, – подумалось, – с таким ничего не страшно – ни шторм, ни гром!» Пишет бывший матрос Латвийского буржуазного флота Эдгар Залитис: «Посылаю воспоминание о составе эскадры Латвии перед передачей ее в состав КБФ.

1. «Вирсайтис». Водоизмещение 510 тонн, ход 18 узлов.
2. Тральщики французской постройки – «Иманта» и «Вестур». 3. Подводные лодки «Ронис» и «Спидола», два буксира – «Варонис» и «Артиллерист» и шесть гидросамолетов – шведских.

Командовал этой «эскадрой» и довольно спокойно пере-

дал ее командованию советского Балтийского флота бывший царский офицер контр-адмирал Спаде (Это произошло 19 августа 1940 г.)».

В своей книге «Морской фронт» адмирал Ю.А. Пантелеев вспоминает: «Эстонский комфлот после официальных приветствий спросил меня:

– Господин адмирал, когда мы будем поднимать советские военно-морские флаги? Они нам кажутся очень красивыми... Мы к этому готовы.

Как позднее я узнал от контр-адмирала Трайнина, который в то время был в Либаве (весной 1940-го), с подобным же вопросом к нему обратился и командующий Латвийским флотом».

Угольная стенка. Две калошины-тралыцы «Вестур» и «Иманта», братец и сестрица. Рядом с ними внушительно выглядит – труба, фок-мачта, мостик, длинная пушка – сторожевой корабль «Вирсайтис».

– Равняйся... Смирно! – командует Бумберс. Выходят на стенку командиры кораблей. Командир (комдив) Межрозе поздравляет нас с вступлением в боевую интернациональную семью...

Оказывается, мы уже распределены по кораблям. Я... приветствую военно-морской флаг нашей великой державы, который весело полощется на корме «Вирсайтиса»!

И попадаем мы, девять славянских гавриков, в волосатые ручки рыжего боцмана Цирулиса.

– Это, значит, мы вас всех сейчас настроим... как это сказать? Устроим.

Мне досталось жить под полубаком. Показали рундук, где «все толжно бить как полошено». Спать – в подвесной койке (гамаке), на день – выносить под боевую рубку.

Как в тумане – первый день корабельный. Во-первых, это тебе не «Кулга» – речной трамвай, – на которой я корчил из себя морского волка. Все так необычно: трапы, кубрики, столы висячие, бачковые, обед, знакомство с товарищами-латышами, с русскими – легко потерять себя самого. И сон... не сон, бдение с думой: как бы к утру не уснуть и не проспять койку вязать (пеленать, как египетскую мумию).

Гулкие шаги вахтенного... по голове!

Называя корабельную службу «каторжной», адмирал Трайнин, наверно, имел в виду угольную погрузку... От себя скажу: всякая работа из-под палки – каторга. А в то утро...

Надели робы, на руки – рукавицы, в рукавицы – ручки тачек (кой-кому достались корзины – это хуже), и...

На стенке – оркестр из латышских капралов-сверхсрочников.

И:

Утро красит нежным светом...

И:

Наверх, вы, товарищи...

Молодцы-черти, все разучили трубачи!

– Пошел, пошел, Иванов! Березкин, не сачкуй! В яму, в

яму угольную не угодите! – шумит Петя Акентьев, машинист-одессит.

Тут же, возле ямы, крутится юлой рассеянно-озабоченный механик Киртс (копия импресарио из кинофильма «Цирк»!).

– Ой, салага, на кого ты похож? – смеется мой старшой Смирнов.

– А ты? – парирую я. – Точь-в-точь абиссинский негус!

Потом два часа мыли, чистили, скребли, мылись, стирали... Проголодались.

Как замечательно кормят у нас на флотах! Традиция.

И вот он, момент! По всем палубам, кубрикам звонки: длинный – два коротких, длинный – два коротких.

– По местам стоять! Со швартовых сниматься! (И то же самое по-латышски.)

Шипит пар, дым из высоченной трубы нашего сторожевика накрывает черным одеялом берег, «Иманту», «Вестурс».

– *Мазу уз прекиш* (малый вперед)!

Звяк машинного телеграфа... Командир – грозный, неприступный – руки по швам – парадно вышагивает по мостику с крыла на крыло. На верхнем мостике у главного компаса (мое заведование) хлопочет чистенький, открыточный (усики-пиявки, пробор на голове) лейтенант Стурес.

Легли на створ – по корме – на выход из средних ворот гавани. Корабль, как перед старыми знакомыми, начал раскланиваться перед каждой встречной волной.

Мне стало плохо... Пресловутый ком перекрыл горло. Пулей с мостика! А там... вдоль борта уже склонили свои гордые головы Ваня Березкин и мой отделённый старослужащий Смирнов, и прочие лица... (Это позорное кормление рыб было у меня в первый и последний раз. Так «не ругай меня, мамаша», как поется в одной популярной песне.) Из дымки на горизонте – проблеск прожектора: тире-точка – буква «наш», сигнал об открытии артогня. И – фуurr! фуurr! фуurr! Три снаряда, от полета которых воздух ходуном ходит! Три попадания в парусиновый щит, что у нас за кормой на буксире. Так стреляет крейсер «Киров»!

Вот он, выполнив задачу по стрельбам, приближается к нам. Стремительно вырастают из воды тренога мачты, дальномёры, трубы, орудийные башни... Горнист играет «захождение». Становимся лицом к проходящему мимо нас крейсеру. Красиво! А ход! Говорят, торпедному катеру не догнать его.

Мы тоже стреляли. Щит для нас таскал «Вестурс». Стреляло носовое орудие Яши Румянцева. Результат: недолет, перелет, попадание. Комендоры утверждают, что это хорошо, по всем правилам-наставлениям. М-да...

А «Киров» – то лучше нас работает!

Уходим на зимний отстой к Усть-Двинской крепости, в Болдераю (пригород Риги). Декабрьские волны вскидываются на верхний мостик. Бедные «Вестурс» с «Имантой»! Как бы не утопли – только мачты из воды торчат.

При нашем заходе в Ирбенский пролив ветер вроде бы приутих. Но тоже – крен под сорок градусов!

Правый поворот.

– Флаг «покой» до места! – командует Стурес.

«Вестурс» и «Иманта» повторяют сигнал. И тут... у меня из рук ветром вырвало фалинь.

Флаг с прищепкой-клёунтом у самой реи! Это означает для идущих сзади: все время руль держи вправо. Мигом, ничего никому не сказав, по вантовому трапу... Коленки дрожат от холода (больше от страха): вот-вот сорвусь. Мачта – хорошая праща, далеко забросила бы, дурака. Не гляжу вниз, лезу, пытаюсь даже петь что-то героическое, но уже и «мама» не сказать. Рея! Но до нока по ней еще надо проползти около двух метров, держась за оттяжки...

И вот – флаг в зубах!

Вниз спускаюсь без песен. Получил за «отвагу» три наряда.

Говоря теперешним языком, наша зимовка в Болдерае была продуктивной: мы с Березкиным стали настоящими сигнальщиками (семафор, световая морзянка, флажный свод сигналов, правила совместного плавания, силуэты кораблей, ведение журнала)!

А универсальный спец Бумберс учит сухопутному бою: коли, стреляй, бросай гранату! Хлопцы, которые недалеко-видные, ворчат:

– Нужна нам эта пехотная грамота, как попу гармонь. (Все

пригодилось вскорости!).

Для развития мускулатуры – дважды в неделю в крепости катаем мины, снаряды нянчим... Зато уж в увольнение на берег... Щедрый Межрозе отпускает в среду, в субботу, в воскресенье!

– Девушка по-латышски – *мэйтэнэ. Эс юс мылу* – это значит: я вас люблю, – натаскивает нас, салажат, все тот же многоопытный Бумберс.

Замполит Фролов:

– Пожалуйста, помните, что вы – советские моряки! И чтоб по форме... В зимних шапках!

Сходим на берег, ищем сугроб поглубже, шапку – в снег, подругу боевую, бескозырку, на голову! А патрули в Риге – *сухопутные – ребята путные!*

А больше, кажись, ничего такого не нарушали.

Нарушали! Со стыдом вспоминаю вечер встречи с шефами, с рабочими завода ВЭФ, в канун Дня Красной Армии. Латышечки, беленькие, стройненькие, пели, чинно прыгали в танце. Мы тоже. Коля Гребенников, радист, играл на гитаре. А потом, крутанув в воздухе свой инструмент, пошшшел бить чечетку!

Но один наш, как говорится, дурак испортил песню – мой старшой Смирнов. Мы вчетвером несли его, пьяного, через весь город, а он... Никогда я не слышал такого грязного сквернословия. Дали мы ему!..

На корабль присмиревший Смирнов шел своим ходом.

Март улыбается... рот до ушей! В большом носовом кубрике:

– Дорогие товарищи! – говорит замполит. – Сегодня мы встречаемся с замечательным сыном латышского народа, известным писателем-коммунистом Вилисом Лацисом! Мы знаем его по книгам, по всей его трудовой жизни и просим быть нашим депутатом в Верховном Совете...

Лацис, скуластый, широкоплечий, как-то весь сжимается от смущения, ломано говорит по-русски, потом по-латышски. Сын рыбака... Помню его веселое обнимание с нашим Леоном Бумберсом – оказывается, они однокашники по старой Лиепайской школе инструкторов флота (Латвийского).

Зюйд-вест апрельский гложет, крошит последние льдины в Рижском заливе. Встречаемся с немецким «купцом», с большим пароходом, идущим *«нах фатерланд»*. Приспуская красный с черной свастикой на белом кружке флаг, толстый германец в форменной фуражке кланяется, как нэпман-лавочник. Я тоже салютую флагом, стронув его чуть-чуть с гафеля. Снова – немец, за ним – еще. Идут непрерывной кильватерной колонной из Даугавы в сторону Ирбена германские суда, увозя из Прибалтики своих германцев. Расчищают поле боя? Уже оккупированы Дания, Норвегия... А из Берлина – по-прежнему клятвенные заверения в нерушимости Пакта о ненападении.

«Беспроволочный телеграф»: фашистские самолеты то и дело появляются над Либавской базой. Будто бы наши дозо-

ры на днях заметили у приемного буя, у средних ворот гавани, неизвестную подводную лодку.

В дозоре. Боевая готовность № 2. Ходим между Либавой и «заграничной» Палангой (Германия два года назад ее захватила у Литвы). Справа на горизонте, в трех милях, цепочка торпедных катеров. Не наши, конечно, немецкие. Июнь, начало лета, а летней радости нету, – как перед грозой с градом. Пограничный катер у борта. Ребята сказали, что вчера на внутреннем рейде в Либаве совершил «вынужденную» посадку немецкий гидросамолет. Наши арестовали летчиков, но из Москвы велели срочно отпустить, оказать помощь всяческую... Улетели фашисты!

19 июня. Я в госпитале (заправляя катер, наглотался бензина). Кострицкий, моторист:

– А сегодня мы в дозор уходим, поближе к Риге...

– Подожди меня! – прошу приятеля, и – к милосердным сестренкам:

– Дайте мне мою одежду! Скажите, что сам нашел...

Палдыес! Спасибо!

(22 июня в полдень фашистскими торпедными катерами был потоплен транспорт вместе с больными Либавского военно-морского госпиталя...)

Ирбен. Оба берега видны: эстонский остров Эзель и латвийский мыс Колка. Четыре пограничных «Охотника» с нами в дрейфе.

20-21 июня. Ничего существенного. Может, только по-

меньше германских судов прошло мимо нас из Риги. А погода!..

«Двадцать пятого, – говорят, – смена придет! Интересно, пустят ли нас в увольнение в этот раз?» (Думается о чем угодно, только не о том тревожном, о чем думалось в дозоре у Паланги.) «Собачья вахта» – с полночи до четырех утра. Стоим с молоденьким лейтенантом из подплава, взятым «напрокат» (забыл его фамилию). Стурса к этому времени списали с корабля.

– Что-то много рыбацких судов – идут и идут в пролив, на выход.

– А ну-ка, освети их прожектором! – приказывает лейтенант. Не похоже на рыбаков, одеты чисто. – Ладно, – заключает штурман, – они никакой опасности не представляют. А там их еще погранкатера прощупают...

22.06.1941. 04.00. Смена вахты. В той стороне, где Виндава, сверкает что-то. Молния? Но ни одной тучи на небе. Снова всполохи.

– А может, это наши корабли... Учение, готовность № 2? – рассуждает Березкин.

Будим командира. Командир:

– Радиста ко мне!

Заспанный Коля Гребенников доложил... что не может связаться с базой:

вышел из строя наш допотопный передатчик.

Полным ходом идем поближе к мысу Колка, там должен

быть пост наблюдения и связи. Семафор на берег: «Вышла из строя рация, жду указаний, смены...» А с поста в ответ – крутит и крутит сигнальщик только одно слово: «война», «война», «война»...

12.00. Гребенников починил радио. Выступление Молотова... Как обухом по голове!

Иван Федорович, замполит, обычно улыбчивый, сейчас хмурый, осунувшийся:

– Товарищи краснофлотцы! Подлый враг напал на нашу любимую Родину, рассчитывая внезапностью удара смять нас, поставить на колени, уничтожить завоевания Октябрьской революции. Отбросим, товарищи, благодущие... Враг очень силен. Но мы – большевики! И мы обязательно победим! А если придется... умрем как люди.

Орудия, пулеметы – в небо, в море. Пока – ничего. Параллельно нашему курсу несутся, вспенивая воду, пограничники.

– Справа девяносто – силуэт эсминца! – докладываю.

– Запросить опознавательные!

Наш. «Грозящий». Морзянка: «Следуйте в Ригу, остаюсь на линии дозора».

17.00. На траверзе – остров Рухну. Сзади, в Ирбене, – арт-пальба.

Темнеет. Барашки волн. Прямо по курсу – силуэты кораблей. Запрашиваем пароль – опознавательный. Идут в сторону Ирбена крейсер «Максим Горький», эсминцы «Гордый»,

«Гневный», «Стерегающий».

...А это впереди не туча, это наши легкие силы на рейде Усть-Двинска с «Кировым» во главе. Без огней. Пропускают нас в Даугаву.

Всю ночь в Милыгрависе, задыхаясь от черной пыли, грузим уголь (одна труха). К рассвету сполоснули корабль кое-как, приводим в порядок машины, оружие. Солнце выскочило из-за сосен... Самолеты. Со стороны залива. Ктото сказал: «Наши...» Самолеты разворачиваются над эсминцами, грузящими у стенки напротив... мины. Рев, свист, грохот такой, что кажется – земной шар раскалывается! А с берега, от складских помещений, пулеметные очереди... Фонтанчики угольной пыли у самого нашего борта. Крастыныш, Румянцев, еще кто-то с винтовками побежали к пакгаузам, «айзсаргов», местных фашистов, уничтожать. Вернулись ни с чем. Нигде никого.

В устье реки Бульупе. Грузим, таскаем в погреба снаряды из крепости: только здесь мы можем пополнить боезапас, только здесь еще остались снаряды к нашим чехословацким пушкам. Забираем даже болванки учебные – пригодятся!

В темном копотном небе сплошной вой, вспыхивают и гаснут разрывы снарядов... Бьют из-за крепости зенитки «Кирова». Прожектора...

Ага! Попался, гад! Крест на желтом пузе. Пули, пули цокают рядом со мной!

– Самолет пикирует на нас! – ору, как поросенок недоре-

занный.

Межрозе:

– Что за базар? Спокойно надо докладывать.

Рядом – стук пулемета. Крастыныш... Ура Крастынышу: фашист, не выходя из пике, хлупнулся в Даугаву!

Какое сегодня число? Никто не знает. Авиация противника атакует нас непрерывно. На рейде, в устье Даугавы – пароходы, мотоботы... «Неужели уже эвакуируют Ригу?»

Все, что скопилось на рейде, нам приказано сопровождать в Моонзунд. Головным идет «Вирсайтис», замыкает этот китайский флот «Иманта». У «Иманты» на буксире три торпедных катера – нет бензина своим ходом идти. Небо – горячее марево, вызывающее слезы, если долго смотреть. Одиночные «желтобрюхие» летают мористее, видимо, охотятся за нашими крупными кораблями, ждут, когда те пойдут в Ирбен. А нам и мелководный Муху-Вяйн годится.

Со стороны залива, прямо к нам идет-стучит рыбацкий мотобот. Видим в бинокль: на мотоботе, испачканные в чем-то белом, контр-адмирал Трайнин и капитан 1-го ранга Клевенский, новый командир Либавской базы. Оказывается, шли на торпедном, катер скис, пришлось прибегнуть к помощи рыбаков. У нас была бочка бензина. Ушли высокие гости на одном из наших катеров назад, к «Кирову».

«Постой, постой... А почему здесь Клевенский? Неужели уже оставили Либаву? А корабли у «Тосмаре»? А батареи, что мы, салаги, помогали строить? А наши ребята?..»

(Только после войны все прояснилось: Либава героически оборонялась больше недели. А Ригу... штаб Северо-Западного фронта оставил уже вечером 22 июня. Восьмая армия, отступающая от Либавы и Виндавы, вела в эти самые дни, дни нашего отхода в район Эзеля – Даго, ожесточенные бои с фашистами восточнее столицы Латвии.)

Латвия... Уходят твои сыны. Без боя почти... Боцман Цирулис, чуть свободная минута, гладит всеобщего любимца команды, старого кобеля Джека, что-то говорит ему тихо по-латышски. Джек – смирный, притихший, напуганный. Не узнать собаки. Как услышит за облаками звук летящего «юнкерса», начинает, задрав лохматую морду, подвывать. А бывало...

– Джеки, – просят его матросы-латыши, – покажи, как баришня входит в баню.

Джек становится на задние лапы...

2 июля. Узнаём от комиссара (введен институт комиссаров) Фролова о наших потерях.

Товарищи, на всех направлениях идут ожесточенные бои. Враг несет потери, теряем и мы... здесь. Кроме «Сторожевого», который был поврежден в Рижском, погиб эсминец «Гневный». Помните, он сопровождал крейсер «Максим Горький»... «Горький» тоже, оторвало носовую часть. Это произошло северо-западнее Даго, там фашисты выставили минную банку. У нас мало тральщиков, потому-то и «Киров» проходил по углубленному земснарядами проливу Му-

ху-Вяйн...

Ух, сколько нас тут скопилось, в Моонзунде! «Сильный», «Сердитый», «Смелый», «Стойкий», сторожевики «Снег», «Туча» – из «дивизиона хреновой погоды», как его на Балтике величали. Готовятся к походу в Рижский залив.

Бухта Трииги, северо-западная кромка Эзеля. Радио в кубрике:

– Братья и сестры, соотечественники, к вам обращаюсь я, друзья мои...

– Тише, тише! Сталин говорит! Сталин!

– Сейчас решается вопрос: или – или...

Суровы лица моих боевых товарищей... («Если придется, умрем как люди...»)

Вот какое дело: наш Межрозе уходит от нас... на повышение. «Ведь он капитан 2-го ранга, а на таком малом корабле», – объяснили нам. Жаль. Очень даже жаль.

Пришел новый, шумный, круглый, небольшого роста старший лейтенант, грузин. Широкая, как решето, фуражка с крохотным козырьком.

– Команде купаться! – с ходу приказал новый командир. Всеобщее удивление (а вдруг самолет сейчас?..). Но мы уже три недели не раздевались и не разувались. Стоим в трусах на баке, у ног бескозырка... Так положено: если после купания твоя бескозырка будет одиноко лежать, значит, ты того... пошел к морскому шкиперу...

– В воду!

Сигаем с высоты шести метров прямо в жгучий, как крапива, студень медуз. Бррр! Разгребаю эту нечисть, не знакомую мне ранее, ищу место почище и... натываюсь на притонувший труп краснофлотца...

Счастливый новый командир: пока мы пребывали в обществе медуз, ни один «стервятник» не появился над нами.

А зовут нового командира Гриша. Фамилия? Зачем фамилия? Гриша и Гриша. Гришу знает вся Балтика! Сколько анекдотов про него ходило до войны! «А помнишь, как Гриша из отпуска возвращался? Командование получает от него телеграмму: «Масква – столица нашей Родины, задэрживаюсь на двое суток...»

17 июля. 23.30. Справа по носу темная полоска острова Муху.

– Прицел 130, целик... Орудие... Залп! – корабль дернулся.

– Орудие... Залп!

Ведем огонь по батарее противника, по Виртсу. Мористее бьют – перепонки трещат! – три наших миноносца. И еще с Эзеля, береговые стволы Елисеева.

Высадились наши. Триста краснофлотцев. Путь в Рижский залив свободен!

...Не успеваю записывать в журнал. Сегодня нас бомбили двадцать восемь раз. Уже не страшно. Остолбенел.

Пикирующий бомбардировщик Ю-87. Неубирающиеся шасси – ноги грифа, стервятника. А когда он, «стервятник»,

вываливается из-за облаков... кажется: с телеги камни сбрасывают (крестьянское восприятие).

Пишу первое, с начала войны, письмо родителям, на Украину. Уцелевший чудом после бомбежки пробитый осколками почтовый ящик на столбе... А уж местность та, куда написал... Радио на штабном пароходе: «Наши войска, после... боев... оставили город Житомир...» А это уже на 70 километров восточнее моей изначальной малой родины...

Бухта Рохукюля. Снимаемся, идем в дозор в Соэло-Вяйн (между Эзелем и Даго). Не успели выйти за брекватер, на встречу пограничный МО, на носу катера – наш Джек. Он перешел от нас на «Иманту» три дня назад, во время смены дозора...

– Вот только собаку и удалось выловить... – сказали ребята. – Мина... «Иманта», сестрица «Иманта»! Дорогие, золотые хлопцы! Джек жмет к ногам, дрожит.

...Проходим у острова Вормси. В кильватер за нами – два транспорта, буксиры, цепочка торпедных катеров тянется за буксиром.

Да, следуем в Таллинн. Кончился у нас иноземный боезапас, нечем воевать.

Моонзунд для нашего корабля навсегда остался за кормой.

Еще до глубокой осени будут прорываться сквозь вражеский огонь, мимо Муху, в Рижский залив наши корабли, будут громить там германские конвои, еще будут ребята Пре-

ображенного летать с Эзеля в «неуязвимое» небо Берлина и загонять в бункер брюхатого Геринга и самого бесноватого Адольфа; еще будут наши бойцы обливаться кровью в неравной драке за архипелаг. Особенно ожесточенные бои разгорятся на южной оконечности Эзеля – Сырве. А потом, после ухода командования обороной на Ханко (и дальше – самолетом – в Кронштадт), оставшиеся... кто пулю в лоб, кто переправится через Ирбен на латвийский берег в партизаны, а кого на связанных колючкой бревнах прибьет к берегам нейтральной Швеции.

Выживут они и еще долго будут трудиться на родине, на дальних лесосеках...

Моонзунд...

Главная база Балтфлота – Таллинн. Редкие самолеты на большой высоте. Зато другое беспокойство – проверяющие. Химик, минер, связист, кто еще?

Комиссар Фролов ворчит:

– Сотни раз немцы нас проверяли за этот месяц.

Как дикари набрасываемся на газеты, принесенные из политотдела. Но... хоть не читай: «оставили», «отошли»... Что происходит? Что-то немыслимое.

С мостика эсминца «Карл Маркс», из репродуктора:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...

Мурашки по телу! Это даже не песня, а крик!

...Таллинн окружен! 7 августа немецкие войска рассекли пополам нашу 8-ю армию и вышли на берег Финского залива в районе Кунды. Эту новость мы узнали 8-го утром во время погрузки угля, под «музыку» главного калибра крейсера «Киров».

В полдень снимаемся. В Кронштадт. Там нам поменяют пушки: на две наши «иностранки» осталось десять фугасных снарядов и болванки учебные.

Гриша привел штурмана, лейтенанта с черным чубом:

– Георгий, – отрекомендовался лейтенант. («Жора», – подумали мы.)

Два транспорта грузятся в ковше. Боже, сколько же он, гад, народу накалечил! В порт на машинах и всяко прибывают и прибывают раненые. Небритые, глаза запали.

Идем. Впереди «Клюз» и «Ударник» с тралами, потом мы, главная сила конвоя (с десятью снарядами), за нами транспорты, шаланды, мелкие катера – все облеплено-увешано увечными, травмированными.

Ход, естественно, в час верста – только кустики мелькают, по поговорке. Едва приготовились у Наргена сделать правый поворот – «юнкеры»! Группа. За ней – еще, еще. Идут низко, словно на посадку. И – пулеметно-пушечным огнем по надстройкам, по палубам, по ногам, по головам... Истошные крики. Раненые поднимают в небо костыли, культяпки. Наш огонь – мимо: уж очень низко летают!

– Перископ слева! – кричит Березкин.

– Орудие – левый борт!

Вдруг – черная копна взрыва выросла на том месте, где был перископ.

Видимо, германская субмарина с миной встретилась.

Снова «юнкерсы». Две бомбы. Нам!.. Нет, мимо. Вот он, фашист, на выходе из пике. Носовое Румянцева – хрясь! Снарядом-болванкой ему по хвосту!

О, как они, фрицы, хорошо умеют нырять! Это вам, сволочи, за раненых на пароходах, за «Иманту»! Еще не так вас будем колотить, погодите!

Две «Чайки» (И-15), родные «этажерочки» встречают нас, покачивая крыльями. Толбухин маяк открылся. Дошли!

...Издавна на флоте о командире корабля, о талантах его судят по швартовке, постановке на бочку и якорь.

Наш Гриша... Нет, он, по-моему, в этот раз превзошел всех командиров: с каким шиком он, бросив якорь (там, где надо), пролетел впритирку мимо стоящего эсминца, дал задний и, аж присел «Вирсайтис», остановился в тридцати сантиметрах от стенки. Приготовленный Цирулисом кранец, для смягчения удара, не понадобился. Молодец, грузин!

Скребки – в руки! Сурик, старый кузбасслак. Едкая пыль обволакивает нас под корпусом, разъедая кожу на лице. Маслопупы в машине ковыряются, рабочие морзавода крепят на баке и на юте площадки для новых стомиллиметровых орудий, а еще будут две сорокапятки, пушка-автомат тридца-

тисемимиллиметровая. Во! Теперь, простояв недельку в доке, мы будем больше похожи на боевой корабль. А то новый штурман Жора признался, что он, когда увидел в Таллинне «Вирсайтис», подумал: «А это что за пароход?»

29 августа. Вышли из дока и... при выходе из гавани нос в нос встретились с крейсером «Киров», он шел в сопровождении двух эсминцев. Пассажиры – сухопутные, гражданские на борту. Неужели... Таллинн пал? И это – все, что осталось от флота, самого сильного в Союзе? Только дней через десять мы узнали от ребят с миноносцев подробности перехода – как шли по минным полям, под непрерывными ударами вражеской авиации (нам было в сто раз легче).

Не погиб, жив, несравненный, как поется в песне, Балт-флот! И он еще себя покажет.

Куда мы идем? В Ленинград? Зачем? Чайки барражируют над Маркизовой лужей. Морской канал. У каменной отсыпи – грозная громада линкора «Марат».

И может, это редкость в истории Ленинграда – днем разводят мосты, пропуская нас. На набережных любопытные. Ох, не на парад корабли вошли в Неву, не на праздник...

В темноте подошли к Понтонной (двадцать с лишним километров от Ленинграда). Катер ЗИС по корме. Гриша:

– Сигнальщик! Спроси в мегафон: куда топаешь, сороконожка? (Я повторяю слова командира, он не терпит никакой редакции своих приказаний.)

– Я командир отряда, Чероков, – ответили из темноты.

Командир отряда приказывает немедленно продвинуться вверх по реке в район Корчмино и оттуда открыть огонь по Ивановскому, куда прорвались уже немцы.

Все окрест осветилось вспышками наших новеньких со-ток! Мы так близко подошли к позициям немцев, что на наш огонь они сразу же ответили... минометным огнем (тоже небывалый в истории случай).

Мины с противным визгом перелетают через нас, и их квакающие разрывы слышны у противоположного берега. Угломонили мы тех минометчиков. Утром – отходим вниз, к заводу на Понтонной. А с заводского причала:

– Не подходи! Стрелять буду!

Что такое? У нас приказание... А это, оказывается, охранница... Прямо на мостик направила свою двустволку. Увещевали. Ни в какую!

Тогда Гриша, в шутку:

– Носовое орудие – на правый борт!

Яша Румянцев принял игру, разворачивает длиннющий ствол прямо на ретивую тетку. Но не такие ленинградки, чтоб убояться какой-то стомиллиметровки!.. В общем, если бы не подоспел ее начальник, пальнула б заполошная тетка из ружья по мостику.

Кроме сигнального и рулевого дела я – пулеметчик. Мой «Виккерс», родной брат нашему «Максиму», укреплен на правом крыле мостика.

Меняю охлаждение – воду с глицерином, смотрю, как там

у меня со смазкой замка, и, сам не помню, как это случилось, — скользкий, масляный замок совсем неслышно — шух за борт... В жар и холод бросило меня. Это же трибунал! Рядом — Иван Федорович, комиссар:

— Ты чего? На тебе лица нет.

Я доложил: так, мол, и так.

— Ты никому об этом не докладывал еще? Успокойся. На будущее наука. Сегодня эту рухлядь, — он кивнул на пулемет, — стащим в заводской металлолом, а нам, взамен «Виккерсов», поставят новенькие ДШК. Отличное оружие!

А меня колотило всего до самого вечера. Пришли и стали на огневую позицию у поселка Свердлова эсминцы «Строгий», «Гордый», «Славный». У Невского лесопарка притулился «Стройный», канонерская лодка «Красное знамя», канонерки (бывшие самоходные баржи-грунтошки) «Зея», «Ока», «Сестрорецк»...

Приведу еще несколько строк из книги адмирала Ю.А. Пантелеева «Морской фронт»:

«Невская оперативная группа начала создаваться лишь в сентябре. Можно себе представить, как сложилась бы обстановка восточнее Ленинграда в районе Невской Дубровки, если бы здесь не была вовремя создана флотом мощная артиллерийская позиция северного берега, не было кораблей, поддерживающих нашу героическую пехоту».

Столб с дощечкой: «Деревня Овчино» (написано с мягким «и»). Вероятно, писали, как и произносили, здешние

немцы, бывшие колонисты. Овцыно. Теперь здесь наша, почти постоянная, позиция.

8 сентября. Баржа со снарядами. В появившуюся над кораблем «раму» (немецкий разведчик) не стреляем: вдруг сдуру сбросит чего-нибудь в боезапас?

Флагманский артиллерист капитан-лейтенант Слизкой прибыл. Будет «работка»!

Боевая тревога. Тревога на лицах командиров. Потравили носовой, чтоб носовая и кормовая могли стрелять в сторону реки Тосна.

Говорит Гриша:

– По данным разведки, враг готовит переправу через Неву с целью соединиться с финнами. Мы нанесем удар... Сигнальщики, пока комендоры работают, смотрите в оба – возможна ответная атака с воздуха.

– Носовое... Кормовое... Прицел сто двадцать восемь... Огонь!

Били до трех часов утра, с перерывами для изменения корректировки.

Потом... они... плыли...

Радио: *«От Совинформбюро. 8 сентября наши войска оставили город Шлиссельбург...»* Немцы на берегу Ладоги!

Одиночный самолет, сыплет листовки. «Доблестные бойцы и командиры рабоче-крестьянской Красной Армии! Вы сделали, что могли... Вы окружены, ваше положение безна-

дежно. Переходите на сторону войск Великой Германии, вы получите мир, хлеб, жизнь. Настоящая листовка является пропуском...»

– А больше, фриц, ничего тебе не хоцца? А? – спрашивает пространство машинист Акентьев, одессит из города Николаева. Петя Акентьев вынес из машинного патефон:

Татьяна, помнишь дни золотые...

Поет Лещенко (да не Лева, а тот, старый). Под элегическую музыку Акентьев пускается в воспоминания.

– Понимаешь, только я, это, сошел с трапа – я тогда на «Марти» служил, – смотрю: идет... глаза, брови... Идет! А сама – раз-раз глазами на мене. Подхожу к ней, представляюсь: «Петручио! Из Одессы!» И – под ручку. А она, понимаешь, дрожать начинает. Ну, тут я...

Петручио, Петручио... Что бы мы делали без твоей травли?

В темноте вполне сплошное, бесконечное вибрирующее зарево – передовая. Не условное, а настоящее огненное кольцо.

Ребята собираются в разведку. Петя Акентьев, кок Костя Головин. Придирчиво осматривает их снаряжение старший группы, бывший командир погибшего недавно катера МО лейтенант Чудов – высокий, плечистый, сапоги гармошкой. Старик Лерхс, латыш-сверхсрочник, просится в развед-

ку, его не берут (он 1895 года рождения!). Не взяли и меня. «Еще успеешь!» – сказал Чудов.

Напоролись наши ребята на немецкую разведку – в темноте, в болотине. Ранен Акентьев. Осколком гранаты, ниже спины...

– Гад буду, я не поворачивался к фрицам задом! – оправдывается Петро.

(Верно, граната разорвалась за спиной у него.) Идти в лазарет на плавбазу «Банта» Петручио отказался наотрез: боялся всенародного осмеяния своей раны.

16 сентября. Принимаем письмо моряков-балтийцев к ленинградцам... «...Мы даем вам священную нерушимую клятву: пока бьется сердце, пока видят глаза, пока руки держат оружие – не бывать фашистской сволочи в городе Ленинград...» Крастыныш Арнольд:

– Почему, товарищ комиссар, нам отказывают быть на береговом фронте?

Я хочу брать фашистов... как сказать... за шею!

Комиссар:

– У меня шестьдесят рапортов с аналогичной просьбой. А кто же будет стрелять из наших замечательных орудий, кто будет поддерживать огнем наших бойцов, обливающихся кровью под Колпином и Пушкином? Вы слышите голос нашей артиллерии? Когда-нибудь, я верю, скажут: «Артиллерия спасла Ленинград».

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Мне в струе степного ручья
Виден отблеск Невской струи...

На всех тумбах и углах домов – портреты Джамбула Джабаева, великого казахского акына. И стихи... Ленинградцы, гордость моя!

Как изменился Ленинград за месяц! В окнах первых этажей мешки с песком, щели во дворах и скверах. Строй за строем с винтовками и противогазными сумками через плечо – ополченцы, салаги наши стриженные. На ленточках: «Бригада подводных лодок КБФ».

Мы с мотористом Кострицким держим на руках бьющийся о стенку у Смольного катер, ждем командование отряда с совещания. За поворотом Невы – раскаты орудийных залпов линкора «Октябрьская Революция», крейсера «Киров».

...А у нас – позор! – на борту заседание трибунала флота. Бледный, аж светится, на скамье перед судом мой бывший командир отделения Смирнов (доигрался!). Я с винтовкой – слева от Смирнова, рулевой Семенов – справа.

«...За самовольный уход с корабля во время боевой тревоги, отсутствие его на боевом посту в течение двух часов, пьянку... именем Российской Советской... бывшего старшего краснофлотца... приговорил к высшей мере наказания...» Волосы у меня поднялись под бескозыркой! А Смирнов... улыбается... Что он, с ума съехал? Страшно!

Резко ухудшилось питание. Соевая кашка – ложки две, ку-сочек хлеба...

Но еще хуже – нечем стрелять: норма – три снаряда на орудие в сутки.

6 ноября приехали артисты. Джаз Скомаровского в крас-нофлотской форме... Но... поступила заявка армейцев на обстрел немецких позиций. И Гриша решает: оставить при-слугу носового орудия воевать, концерт не отменять! Пушка ухала, корабль дергался. Случалось – гильза скатывалась в люк, к ногам молоденькой певицы (кажется, это была Ольга Нестерова).

Были исполнены – на «бис» – «Чайка смело пролете-ла...», «Синий платочек» – довоенный, где еще пулеметчик не строчит... Вспомнилось мне Толмачево, Красный Вал... Так и разреветься недолго.

Настоящим праздником было известие по радио о торже-ственном собрании в Москве, посвященном 24-й годовщи-не Октября, где с докладом выступил Иосиф Виссарионович Сталин! А потом еще весть о параде на Красной площади. Мы, молодые, – ничего, а у некоторых старослужащих – сле-зы на глазах...

8 ноября. С самого утра беспорядочный – по площади – обстрел акватории. Я – вахтенный у трапа. Бушлат. Тулуп. Винтовка. Подсумок. ...Разрыва не слышал. Что-то ударило в живот, опрокинуло на спину. Горячо... Встаю на колени, распахиваю тулуп... Бляха покорежена наискось...

Осколок... И – крохотная царапина на животе!

Ввиду контузии (испуга, скорее всего!) лежу в медкаюте, читаю газеты. *«Ожесточенные бои на Вяземском направлении. На подступах к Ленинграду немецко-фашистские войска вынуждены в ряде участков перейти к обороне... Оборона столицы на рубежах... поручена командующему Западным фронтом генералу армии Жукову»*. Портрет Жукова.

13 ноября. Лед, снег. Нева в торосах. Значит, здесь нам зимовать?

13-го, после обеда. Буксир-ледокол, уверенно круша лед, подходит к нашему борту. Авральные звонки.

– Со швартовых сниматься!

«Вирсайтис» нехотя, как заспавшийся человек, разворачивается на след буксира, лед за кормой варится. Идем вниз. К лесопарку? В Ленинград?

Вопросов задавать не положено.

– Смотреть по бортам! – шумит Гриша.

Прошли лесопарк. Так же ушли, еще до праздников, эсминцы «Гордый» и «Славный».

Гранитный столб. *«С этого места в ночь с 25 на 26 октября (с 7 на 8 ноября) 1917 года...»* Здесь стояла «Аврора», у моста Лейтенанта Шмидта, теперь – «Вирсайтис».

Лед взломан на Неве кораблями, встает на дыбы. Полярная ночь... Прожектора в небе...

Ффуууррр! Хгах! – снаряд. Прямо посередине моста. Ффуууррр! Хгах!.. Город молчит, не отвечает. Ледяное без-

молвие. Ленинград! Это – ты?

Приказ: следовать в Кронштадт. Раздвигаем льдины, идем Петровским фарватером, по свежему следу – ходят наши, несмотря на то, что фрицы сидят сразу же за торговым портом и лупят, и лупят по заливу. Вот и нас заметил фашист, начал лед колотить, дышло ему в печенку!

В Кронштадте: грузим уголь, боезапас (побольше, говорят, берите!). Продуктов не дают. «Там получите». Где «там»?

За Толбухиным нет сплошного льда – каша. 17.00, а уже стемнело. Снег в глаза, волна, покачивает слегка.

Давненько мы в море не были! Идем на запад одни, без поддержки на случай.

– На румбе?

– Двести семьдесят.

– Два градуса вправо.

– Есть два градуса вправо.

Черная стена ночи. Горят, вспыхивают и гаснут гребни волн, светятся фосфоринки в соленой студеной воде. Сноп огня из трубы.

– По этому «пожару» нас и засечь нетрудно. Подлодки караулят... – говорит комиссар, прижимая к глазам бинокль.

Гриша нагибается к переговорной:

– В машине! Что вы мне фейерверк устраиваете... В Хельсинки видать!

Светает. Вернее, сереет. Поперек курса – темная гора. Го-

гланд. К зюйду от острова – эсминец дозорный прохаживается.

Втискиваемся в бухточку под горой. *Сууркюля* (Северная деревня). Гриша с комиссаром в штаб сбегали и:

– Приготовиться к походу!

– Фьюуууу! – это не дудка боцмана, это мы, кто был на мостике, издали такой звук, когда узнали, что идем на Ханко, народ увозить оттуда. Ханко... Это было единственное место в начале войны, где наши войска не отступали. Наоборот – брали у противника острова, охватывающие с двух сторон нашу военно-морскую базу.

...Ну, двинулись.

– Справа пять – мина!

– Слева сорок – мина!

Черный шар качается на волне, ожидая жертву. Четыре отростка-«рогульки», как окрестил их потом Зощенко.

– Сигнальщик! Сигнал: вижу мину. Лево на борт! Комендоры, мину расстрелять! – несется с мостика.

Братья пушкари суетливо наводят сорокапятки... Бац, бац, – и... мимо! Наконец сам Леонид Петрович Бумберс выстрелил. Попал!

Но взрыва не последовало – мина только притонула. А это еще опаснее, чем та, невидимка, на якоре, что ждет тебя под водой, – ту хоть затратить можно.

Мы идем в голове. За «Вирсайтисом» – ТЩ «Ударник», сетевой заградитель «Азимут», транспорт «Вахур»,

ТЩ «Клюз». Замыкают шествие три сверхтихоходных тральщика-ижорца 35-й, 58-й и 420-й. Курс – 230.

Еще крупно видна южная оконечность Гогланда. С веста двинул на нас снежный заряд. Потом – туман, такой, что с мостика кормы не видеть.

– Командир! Становитесь на якорь, – приказывает старший в отряде капитан 3-го ранга Белков.

Пытаемся прожектором и гудками передать приказание начальства на задние корабли. Наконец, вслед за нашей справа и слева по корме загремели в клюзах якорь-цепи.

Чуть туман поредел к утру – мы с Лобановым, моим новым отделённым, в один голос:

– Слева по корме – красная башня. Маяк! Расстояние...

Это был Родшер. Жора-лейтенант побежал на верхний мостик пеленг взять. ...Мимо нас, впритирку, «Азимут». Зацепил своим якорем наш, сорвал. Ругань на полубаке на русском и латышском языках (боцман Цирулис во гневе всегда переходит на родное наречие).

– Совершенно турная примета. Эта корабль, когда будет спускаться на тно, и нас саберет, – сокрушается старик Лерхс.

Поход на Ханко переносится на завтра.

19 ноября. 13.00. Курс – вест. Волна. На камнях у Гогланда то и дело взрываются мины, брошенные прибоем к берегу. Грохот вселенский! Со стороны Хельсинки, высоко, в блеклом холодном небе появляется финский самолет-разведчик

и ложится на наш курс, впереди. Кто-то шутит:

– Лоцман!

Пробуем стрелять по нему. Разрывы снарядов (как электролампочки лопаются) на километр ниже цели. Зря палим. Через час «лоцман» передает нас своему коллеге, и так продолжается до темноты.

Мины, мины плавающие... Язык болит докладывывать. Что будет с нами ночью?

В час ночи вышел из рубки штурман отряда Рабинович:

– Сейчас будет бить двенадцатидюймовка с острова Мяккиулото.

И точно. Далекая вспышка слева. В воздухе – хор-хор-хор и... корабль делает прыжок. Уши заложило, столб воды, поднятый разрывом, своей косматой вершиной достает до луны! Недолет, перелет, по корме, по курсу (совсем близко столбы!)... Это продолжается тридцать минут. Ух!

Снег в глаза. И свет морзянки. Ханковский дозор – канонерская лодка «Лайне». Под артиллерийский грохот швартуемся в гангутской гавани. Камни, каменные лбы-острова торчат из воды. Славные ханковские «ястребки» барражируют над нами. Пакгаузы в порту – настежь: бери, что хочешь и кто хочет чего. Во! Куриное рагу. Жаль только, что хлеба нет. Некоторых наших мореманов после невской голодухи жадность одолела, и теперь... из галюна не выходят.

Посадка. Веселые полуматросы-полусолдаты (по форме). Гангутцы! Ящики, мешки – все закоулки на корабле заняты.

Противник бьет по рейду. Становимся в колонну в прежнем порядке. «Лайне» провожает до поворота у острова Руссаре.

01.00. Снова луна. И снова, как и вчера: хор-хор-хор... Ахх! Работает 306-миллиметровая дура Мяккиулото.

– Мина у правого борта! – голос Яши Румянцева. Даю сигнал на «Азимут»... Пронесло... Взрыв! Что-то тяжелое ударяет меня по затылку (кусок шлюпки). Поворачиваю голову – гора воды и обломков опускается с неба в море. Мне показалось даже... летящие сапоги. Это не мы. Это «Азимут».

Из осевшей горы показалась корма с винтом, люди... Человек семь успел ухватить подбежавший катер МО. Это все, что осталось от команды и от трехсот пассажиров-гангутцев.

Утром узнаем: ночью отстал и подорвался на мине тральщик «Менжинский»... Страшная арифметика: за один переход погибли два корабля... И семьсот командиров и красно-флотцев – молодых, сильных, здоровых! И все же – корабли нашего отряда высаживают в Сууркюле полторы тысячи бойцов! Дальнейший их путь – Кронштадт, Ленинград.

Снова – на Ханко! Вся музыка знакомая – самолет, мины, обстрел – повторяется. И шторм. Жестокий. Треплет нас, конвой растягивается.

– Сигнальщик! На ТЩ «Клюз»: форсировать ход!

Ответ: «Не могу». Потом тральщик швырнуло волной в сторону, и мне не видно, что он там еще пишет.

– Почему не читаешь, в бога... Застрелю! – орет Гриша и тычет мне пистолет в затылок.

– Стреляй, дурак! – я поворачиваюсь лицом к пистолету. В это время из штурманской выходят командир отряда Белков, Рабинович и Жоралейтенант... Неистовый кацо враз успокаивается.

...На обратном пути отстал и подорвался на mine ТЩ «Клюз». Спасенных нет.

Письмо

Здравствуйте, Нина! Я – Шура. Помните? В Новый год в Толмачеве вы меня по голове гладили, успокаивали, когда одиночеством заболел... Простите, что пишу ни с того, ни с сего – больше мне писать сейчас некому. Да тут у нас, у борта корабля, сидит на пирсе дядя Коля, рабочий с «Севкабеля». Он здесь помогал кораблям размагничивать. А сейчас он уйдет на катере в Кронштадт, в Ленинград. Ленинград... Как далеко это отсюда. Далеко не по расстоянию, а по тому... Мы сейчас готовимся... Не знаю, к чему. Все ребята пишут, а дядя Коля ждет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.